

<https://www.facebook.com/rufabula>

<http://vk.com/rufabula>

<https://twitter.com/rufabula>

<https://plus.google.com/1050004759351231314>

<http://rufabula.com/feed/>

Поиск

[Убрать рекламу](#)

«Славянский» утопизм и русская история

[Главная](#)

(/)

Я рекомендую 135

Это интересно 301

Твитнуть 5

G+ 5

27 октября 2014

Читаю очень занятную книгу Леонида Геллера и Мишеля Нике - "Утопия в России". В этом исследовании филологов-славистов собран, систематизирован и осмыслен богатейший материал по теории и практике народного, "ученого" и государственного утопизма в России с конца X века по сегодняшний день. Книга первый в своем роде свод по русской утопии.

Читая ее понимаешь, что например всё захлестнувшее нас в последние 25 лет историософское безумие в стиле Задорнова, Хиневича, Голякова, Левашова, Чудинова, Асова, Гриневича, Петухова и других, имя коим легион, появилось не вчера. "Русские этруски", "русские норвежцы" и "англичане", "славянские пирамиды", "славяне неолита", "Гиперборея", "варяги варящие соль", "славянское царство Аркаима", "славянское единство", "бог-Ра", "бог Перун из Перу" и тд., это ягоди.

Корни этого явления уходят в 18 и 19 века.

императрица Екатерина 2

Пристальный интерес к славянскому вопросу отмечился в Российской империи начиная с Екатерины 2, в тот момент когда в нашей стране начала искусственно формироваться нация по европейскому образцу, верхняя европеизированная прослойка, когда Россия стала екатерининским "садом наук". Именно Екатерина, по мере сползания Европы в революцию и перед лицом нападков со стороны иноземных "русифобов", обращается к русской (славянской) национальной идее.

По теме

Русская мозгокаша
(/articles/2014/08/06/russian-brain-porridge)
Ощущение, что русский народ плавно сходит с ума

Миссия
(/articles/2014/09/09/mission)
Украина разрушит Российскую империю?

Русские и либерализм
(/articles/2014/08/01/russian-and-liberalism)
Без «либерастических» ценностей русского человека не существует

Силы добра и силы разума
(/articles/2014/02/27/forces-of-good-and-the-forces-of-reason)
Майдан — это химически чистое противостояние Добра и Зла

Автор

Андрей Малышев-И
(/author/andrey-merja)
Малышев-Мерянин

12 ноября 2014

РЖД затребовал триллиона рублей
(/news/2014/11/1/)

12 ноября 2014

Австралийский п... предложил Путин за сбитый Boeing
(/news/2014/11/1/)

11 ноября 2014

ФМС: В Москве р... миллион иностра
(/news/2014/11/1/migrants)

11 ноября 2014

Протоиерей Чап... предложил ввести систему «правос... банкинга»
(/news/2014/11/1/banking)

Facebook

Вконтакте

Twitter

Google+

[Код для жж / сайта](#)

[▲ Наверх](#)

[▼](#)

Болтин Иван Никитич.

Императрица предписывает И. Болтину написать опровержение "Истории древней и новой России" француза Леклерка (1782). В своем пояснительном и хвалебном очерке географии, нравов, социального строя и истории России Болтин, наряду со Щербатовым, закладывает основу для всех будущих размышлений о традиции, "славянскости" и "русскости"

Михаил Васильевич Ломоносов

Исторические изыскания екатеринеской эпохи дают этим размышлениям богатый и противоречивый материал. Теория варяжского происхождения русских князей, предложенная двумя немецкими историками в 1749 году, вызывает всеобщее возмущение [Алпатов, 22 — 81]. Одни (Ломоносов) доказывают, что Рюрик, основатель княжеской династии, был славянином; другие (Ф. Эмин) вновь обращаются к старой генеалогии, согласно которой род Рюрика происходит от императора Августа.

Однако это для нас не столь важно. Важно то, что историческая наука пока близка к мифотворчеству, граница между ними остается размытой даже в самых серьезных исследованиях.

Прошлое — хранилище "химерических" образов, материала, из которого создаются новые имперские мифы.

У каждого из этих мифов — свое назначение, они могут смешиваться, могут дополнять друг друга. Прошлое служит экраном, на который проецируются мечты о счастье и величии. В прошлом видят "славянскую старину", куда можно поместить идиллический золотой век (изобилие, патриархальность, простое счастье, единство с миром богов).

Этот золотой век появляется в сочинениях, которые используют народный фольклор по большей части западных губерний для искусственного конструирования славянской мифологии по греко-римской модели и разрабатывают новые формы повествования, напоминающие одновременно Сказки тысячи и одной ночи, рыцарский и приключенческий романы.

М. Д. ЧУЛКОВ

Таковы "Славянские сказки" М. Чулкова (1766 — 1768), "Славянские древности" М. Попова (1770 — 1771), "Русские сказки" В. Лёвшина (1780 — 1783). В этих книгах описываются страны соперничающие с Римом и Грецией с незапамятных времен, где правят добродетельные государи: город Винета у Чулкова, Славенск у Попова, счастливая страна дулебов у Лёвшина.

Левшин Василий Алексеевич

Черты классической утопии (в Славенске запрещена смертная казнь, нет бедняков, развивается горная промышленность, работают современные фабрики [Попов, I, 2 — 4]) растворены в сказочной атмосфере, окутывающей эти повествования.

Александр Петрович Сумароков.

Прошлое может служить фоном для споров о политике, просвещенном деспотизме и абсолютизме, об упадке и Совершенном Государстве. В российском театре тема «славянской старины» разрабатывается постоянно, начиная с трагедий Сумарокова, исторических драм Екатерины и заканчивая Вадимом Новгородским (1789) Княжнина (1742 — 1791). В этой пьесе противопоставлены два образа идеальной России: древний героический и республиканский Новгород ("...Те славные, священные чертоги, / Вельможи наши где велики, будто боги, / Но ровны завсегда и меньшим из граждан") и новая гуманная и могущественная автократия в лице Рюрика.

Однако чаще взгляд назад служит разработке инструментария исторического оправдания притязаний.

Возвеличивать русское прошлое предназначено оде, исторической песне, героической и эпической поэзии. Наиболее часто в такой литературе используется слово "слава" (предполагаемая этимологическая основа слова "славяне").

Львов Павел Юрьевич.

Из "Храма Славы российских Ироев" (1803) П. Львова (1770–1825). Мы узнаем, что в начале шестой мировой эпохи Славяне царили на землях между великим Севером и Кавказом, Балтийским и Черным морями, Каспием и Адриатикой.

Там, где потом будет Новгород, славяне воздвигли в 2041 году до н. э. великую столицу Славенск. В подтверждение своих слов автор ссылается на исторические находки — неизвестные рукописи, изданные его однофамильцем Н. Львовым, — которые так раздражали Вольтера[35]. Упор делается на том, что "славянское государство" древнее Рима и Карфагена и на преемственности, если не на идентичности Славенска и Новгорода, т. е. России [Львов 1803а, VII–VIII].

История — не что иное, как череда великих деяний царей и героев. Пышные картины процветающей страны сопровождают повествование. Когда же оно подходит к эпизоду разгрома Новгорода войсками Ивана IV, богиня Слава скрывает дальнейшее своим плащом (декларативное украшение) [ibid., 60].

Херасков Михаил Матвеевич

Бывает, что писатель, вдохновляясь пророческой традицией, смотрит на историю из ее начальной точки, чтобы «увидеть» грядущее. Во "Владимириаде", мистической поэме Хераскова (1785), первый русский князь-христианин прозревает после своего обращения бурную судьбу России вплоть до счастливых дней царствования Екатерины.

В "Картинах Славянской древности" П. Львов показывает русских воинов, буколически справляющих праздник урожая: они вспоминают свои победы над византийцами, тевтонами, татарами и предсказывают, что «Славянам свыше определено (...) спасти Царей на западе и решить судьбу престолов» [Львов 1803b, 21].

Е. Костров, сочинитель од и переводчик Гомера, восхваляет последнего за то, что в своем темном столетии он прозревал славу Екатерины в лице Паллады и победу русского Септентриона (Севера) над своим южным врагом [Венгеров II, 346]. Такая «ретро-перспективная» точка зрения придает утопический нюанс всей истории, воспринимаемой как шествие к неизбежному совершенству.

Не следует недооценивать значения другого «ретро-перспективного» аспекта исторических споров, который раскрывается в текстах 1760-х годов двух великих представителей классицизма — Тредиаковского и Сумарокова. В ответ на норманнскую теорию они хотели показать, что славянский язык и русская нация принадлежат к древнейшим в Европе.

Тредиаковский Василий Кириллович.

Для Тредиаковского "словенский" язык (от «слова»), предшествовал старославянскому (от «славы») и был языком древних скифов, название которых произошло от русского корня «скит», как в «скитании» [Тредиаковский 1773, 7 — 8, 29 — 30]. Такого рода сравнительно-аналогический анализ языков позволяет открыть целую сеть неожиданных родственных этнических и культурных уз.

Несмотря на всю архаичность этих изысканий, от нас не должна ускользнуть их главная идея: русский язык — один из первых языков человечества.

Утверждение, отсылающее к достойной традиции: уже в IX веке монах Храбр говорил, что славянский, один из языков Библии, столь же священ, как древнееврейский или греческий.

Этот дискурс «первенства» важен по многим причинам. Он свидетельствует о престиже языка. Изначальное единство языков сохранилось в лоне русского языка благодаря его древности, поэтому (и в силу своей связи с греческим) он превосходит совершенством все существующие языки.

Уникальный и универсальный, русский язык предстает в качестве койне империи и одновременно как средство русификации (славянизации) финнского и тюркского населения и ключ к мировой культуре, как основа будущей "федерации славянских народов" (Тредиаковский со своими упражнениями в сравнительной славистике напоминает Крижанича) или, согласно эсхатологическому канону, как мировой язык будущих времен.

Этот дискурс тесно связывает язык и историю. Изучающий язык может расшифровать эту связь, понять скрытый в ней дух народа, узнать его прошлую и будущую судьбу. Таким образом, филологу придается статус пророка.

В России имперская власть решила присвоить себе этот статус. Начиная с XVIII века язык был объектом постоянной заботы государства. Государи хотели «реформировать» мир (народ, государство), "переименовав" его. Однако если государство берет на себя контроль за развитием языка, оно неизбежно находит множество советчиков и соперников. Третьяковский и Сумароков модернизировали старые основы лингвистической мечты, которая впредь будет одним из главных двигателей русского славянского утопизма.

Путь этой мечты пересекается с путем "ретро-перспективной" утопии "русскости" (или "славянства"). Она также ведет либо в сказку, либо в универсалистский мир объединенного человечества. Новшества Тревоги могли служить основой первого пути. Второй порожден прежде всего масонской мечтой: одна из задач братства — найти утерянное знание первых людей и первоязык, "язык адамический", хранилище тайн творения. Лингвистический поиск может сравниться с поисками рая, золотого века.

Сергей Семенович Уваров

Среди тех, кто своими сочинениями внес вклад в славянскую утопию в России 19 века, был С. Уваров, министр образования при Николае I и автор знаменитой тройственной формулы, объединившей "русскость", идеологию и государство: **"самодержавие, православие, народность"** (последнее слово - калька с немецкого Volkstum, адаптированное через польское narodowosc, ставшее ключевым в русском культурном словаре).

Опираясь на "трех слонов" уваровской формулы, Российское государство будет то вспоминать свою мечту о "славянской империи", то выступать спасителем мира (для чего наденет в 1848 году форму «жандарма Европы»), то принимать, без особой убедительности, образ современной и "цивилизованной" державы, то, наоборот, впадать в спячку.

Лишь искусственная славянская национальная идея будет отныне, с перерывами, давать государству средства для сплочения его подданных.

После восстания декабристов между властями и частью культурной элиты России происходит разрыв. Русская интеллигенция с тех пор видит себя в оппозиции к государству. Между установившимся порядком и его противниками начинается более или менее открытая вражда, в которой народ играет роль ставки и заложника. В этом контексте разгорается спор, повлиявший на всю русскую общественную мысль, спор между «славянофилами», защитниками русской самобытности и «западниками», сторонниками единства исторического и культурного процесса.

Пётр Яковлевич Чаадаев

В 1836 году П. Чаадаев (1794 — 1856), который, по словам Пушкина, "в Риме был бы Брут, в Афинах — Периклес", а в России всего лишь "офицер гусарский", публикует в "Телескопе" первое из "Философических писем" (1829).

В этом письме Чаадаев провозглашает, что Россия инертная и бесплодная из за своего византийского наследия, оказалась выброшенной из Истории. Она ничего не внесла в сокровищницу цивилизации, ее будущее так же темно, как и ее прошлое. Философа официально признают сумасшедшим.

Граф Бенкендорф, шеф жандармов при Николае I, скажет одному из защитников Чаадаева: "Прошлое России удивительно, ее настоящее более чем великолепно. Что же касается ее будущего, оно выше всего, что может представить себе самое пылкое воображение". **Ни до, ни после этого никому не удалось лучше выразить дух русского полицейского утопизма.**

Кроме государственного гнева, выпад Чаадаева спровоцировал мгновенную реакцию славянофилов (еще одно ироническое прозвище, принятое теми, против кого оно было направлено).

Алексей Степанович Хомяков

Целая плеяда философов, публицистов, ученых, писателей разных поколений, под предводительством А. Хомякова (1804 1860), И. Киреевского (1806 1856) и К. Аксакова (1817 — 1860), создает обширный корпус сочинений разного характера и вырабатывает изменчивую, многостороннюю доктрину, обобщающую социальные, исторические, антропологические, культурные интерпретации феномена "славянской русскости".

Философия и историческая наука славянофилов восходят к идеям Лейбница и оказываются перед парадоксом XVIII века: молода или стара Россия? Для того чтобы избежать этого вопроса, славянофильство всячески подчеркивает значение русской «славянской самобытности».

Православный аспект мессианской концепции славянофилов очевиден. Однако они предпосылали «русскость» и "славянскость" православию в археологическом и культурном планах. К тому же славянофилы пытались отодвинуть как можно глубже в прошлое момент встречи этих начал: так, Вельтман в «научном» труде 1866 года "Дон", пытался показать, что "славяно-скифы" IV века были христианами и имели письменность, напоминающую кириллицу.

Безмятежная, братская, нежная, безразличная к иерархии природа русских предрасположила их к принятию христианства и сохранению чистоты.

Привлеченные духовной жизнью, они естественным образом воплотили "иранский" принцип доброты и созидательной свободы, противоположный, согласно Хомякову, "кушитскому" принципу силы и внешнего материального порядка, которому подчинился Запад [Gratieux II, 68 — 82].

Исторические и филологические изыскания приводят Хомякова к открытию славянского происхождения индуистской и греческой мифологий, присутствия славян в Элладе и доримской Италии, вклада славян в формирование английской нации (слово "англичане" близко слову "угличане", жители Углича) [Бердяев 1997, 126]. Вместе с филологом Венелиным Хомяков говорит о "славянизме" гуннов [Gratieux II, 96]. Рассуждения о «древности славян» сопровождаются лингвистическим пуризмом.

Почти через пятьдесят лет после Ф. Глинки Хомяков (написавший несколько сочинений по-французски) будет объяснять неудачи российского флота обилием иноязычных заимствований в морской терминологии [Хомяков 1955, 188 — 189]. Русский язык задействован мессианским мистицизмом: освобожденный от норм, навязанных ему "западничаящими" грамматиками, он должен открыть миру всечеловеческую истину [К. Аксаков II, 405].

В том же круге идей оказывается выраженная Гоголем мечта о национальной науке [Хомяков 1955, 157] и "целостном знании", синтезе религии и науки, разума и чувств, "гносеологическом утопизме, полагающем предел философии и означающем конец истории" [Rouleau, 239]. Новизна на этот раз заключается в мотивировке этого знания свойственным истинно русскому духу стремлением к «цельности мышления» [Киреевский II, 326].

Мы можем найти следы славянофильской утопии и в поэзии ("Снегурочка" Островского — блестящая вариация на тему сказочной "славянской старины"), и в прозе (от писателей-народников типа Златовратского до Достоевского и Толстого). Утопизмом пропитаны сочинения Лескова.

Влияние утопизма можно найти в эпизоде незаконченного романа Н. Некрасова об идеальной деревне, отечески управляемой хорошим хозяином (Тонкий человек, 1853).

Владимир Александрович Соллогуб

В рассказе Ф. Соллогуба (1813–1882) "Тарантас" (1845) герой мечтает о воплощении славянофильской утопии.

В традиционной картине изобилия и счастья на фоне сельских пейзажей и городской архитектуры, «какой-то славянской, народной, оригинальной наружности», на фоне золотых куполов церквей единственными признаками современности оказываются летательные аппараты. Чистота и порядок царят кругом (напоминая об Офирии).

Ничего внешне не изменив в своей социальной системе, Россия стала, благодаря своим богатствам, своей военной силе и культуре, первой страной в мире: настоящий подвиг, совершенный благодаря духовному патриотическому порыву, объединившему христианской любовью все классы в гармоничное целое.

Человек из будущего, который коллекционирует живопись "арзамасской школы" и хранит в своей библиотеке русской классики лишь несколько томов западных авторов, объясняет: "Мы начали после всех и потому мы не впали в прежние ребяческие заблуждения. Мы не шумели, не проливали крови, мы искали не укывательства от законной власти, а открытой священной цели, и мы дошли до нее и указали ее целому миру".

Чаадаев тоже надеялся на это: он бичевал инертность России только для того, чтобы показать ее молодые силы (Апология сумасшедшего, 1837). Суд истории, "драматическая поэма в стихах" Ф. Соллогуба, представленная "в живых картинах" в 1869 году, иллюстрирует постоянство сочетания новых надежд и ретроградных идей в сфере мыслей, связанных с "русскостью".

Используя средства аллегорического спектакля XVIII века, автор демонстрирует нам с помощью Гения России благодеяния царствования Александра II: мир, покорение Кавказа, освобождение рабов, свобода печати, запрещение телесных наказаний, паровоз, благодаря которому железный век станет золотым. Картины заканчиваются "Апофеозом вокруг бюста Императора" под звуки национального гимна.

И так далее и тому подобное....

"Утопия в России" Леонида Геллера и Мишеля Нике - роскошная книга доходчиво показывающая, что вся наша официальная русская культура и история - сплошная химера и ресайклинг. Ничего действительно настоящего этнического, исторического в ней нет.

Наше современное представление о русскости, российской истории - это продукт идеологической деятельности российского царизма в 19 веке (в меньшей степени) и ЦК КПСС в 20-ом (в большей степени).

Этот путь идет от историков екатерининской эпохи и имперских сановников николаевской России, через советских академиков вроде директора Института археологии АН СССР, члена ЦК КПСС Б.А. Рыбакова, претворявшего в жизнь установку коммунистической партии о "славянах – наших предках" и "славянском братстве соцлагеря", до современных дугинских евразийцев видящих исключительно славян основой Евразии и Михаила Задорнова прямо говорящего, что русскому народу надо дать славянскую идею национального величия.

В действительности же, нашу историю требуется в корне переосмыслить.

Ещё от автора

Брейтовская Волостная
Республика или страна
Сицкарей

(/author/andrey-merjanin/164)

(/author/andrey-

merjanin)

Андрей
Мальшев-Мерянин
(/author/andrey-
merjanin)8 ноября **Настоято** приходится слышать, что страна, мол, у нас омерзительная, но все в ней одинаково. Ну есть Сибирь, есть Кавказ. Есть Урал. Есть Европейский...

(/author/andrey-merjanin/164)

Спят курганы темные...
Финские истоки Залесской
Руси

(/author/andrey-merjanin/157)

(/author/andrey-

merjanin)

Андрей
Мальшев-Мерянин
(/author/andrey-
merjanin)5 ноября **Обычно** как гигантская мощь славянской колонизации Ростовской земли, совершавшейся в течение веков оказалась историографической фантазией. В...

(/author/andrey-merjanin/157)

"Польскость вас сужает".
Хтоническое и
донациональное на
западе Польши.

(/author/andrey-merjanin/149)

(/author/andrey-

merjanin)

Андрей
Мальшев-Мерянин
(/author/andrey-
merjanin)30 июля 2010 **Польский** писатель Шчепан Твардох - о Слэнском, Силезском регионализме, жертвенной сущности польскости и Семье, которая важнее государства. Соседняя...

(/author/andrey-merjanin/149)

Путешествие в
затерянную страну
северозалесских деревень

(/author/andrey-merjanin/140)

(/author/andrey-

merjanin)

Андрей
Мальшев-Мерянин
(/author/andrey-
merjanin)22 февраля **Вернувшись** из путешествия в затерянную страну северозалесских малодворных деревень и хуторов 19-20 веков. После отмены крепостного права десятки...

(/author/andrey-merjanin/140)

Метки: [Восточная Европа \(/tag/east-europe/\)](#) [Европа \(/tag/Europe/\)](#) [История \(/tag/history/\)](#) [Наука \(/tag/science/\)](#) [Национализм \(/tag/nationalism/\)](#) [Рецензия \(/tag/review/\)](#) [Судьбы России \(/tag/Russia-fate/\)](#)

Читают сейчас

[Взять себе виджет \(http://hypercomments.com/pricing\)](http://hypercomments.com/pricing) [О сервисе \(http://hypercomments.com\)](http://hypercomments.com) [Войти](#)

(10)

Комментарии

- Все
- Новые
- Популярные

Введите текст
сообщения...

Комментировать

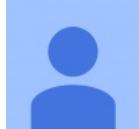
Юра Исак 29.10 19:27

Эта фраза ставит под сомнение интеллектуальные способности и уровень знаний автора поста: "Важно то, что историческая наука пока близка к мифотворчеству, граница между ними остается размытой даже в самых серьезных исследованиях". Авторы книги, которой умиляется А. Мальшев-Мерянин, сами оперируют историческим материалом (кстати, без использования "исторического", использования принципа историзма не могут обойтись не только гуманитарные науки, но и естественные и даже точные, не говоря о том что результатами исторических исследований пользуются представители всех гуманитарных наук и некоторых естественных). И текст данной книги прямо апеллирует к исторической реальности. Кроме того, автор снова пытается повторять старый конструктивистский тезис, что историк не реконструирует прошлое, а только конструирует его (раньше об этом заявляли неокантианцы в начале XX века, а нынче постмодернисты). Опасность такого одностороннего (историк и конструирует, и реконструирует историю - это две стороны медали, историческая реальность - это данность, а наше приближение к ее сущности, попытка ее постижения - это и есть научно-историческое познание - не путать историю как исторический процесс, реальность и историю как науку, и историю как жанр литературы) подхода очевидна - потеря престижа исторической науки - плохое знание народом своей истории, появление различных тех же мифов, квазиистории в стиле работ ак. А. Т. Фоменко и др. - системный кризис социума (недаром в психологии считается - распад личности начинается с потери памяти). Добавлю, что науке как таковой (в том числе исторической) присущи две функции - мифотворительная и мифоуничтожительная, научное исследование проходит в коридоре между логикой и мифом. Этим вещам учат в курсе философии. Исак Юрий. Украина.

[Ответить](#)[Не согласен](#) [Согласен](#)

Алексей Александров 29.10 14:17

Русским давно пора вспомнить, что значительная их часть имеет угро-тюркские корни, прекратить вестись на идеи т. н. "панславизма", "Москва - третий Рим" и т. п., развивать культурные и ментальные черты, не завязанные на христианство. И сразу же будет видно, насколько много общего у них с другими народами России и азиатского ближнего зарубежья.

[Ответить](#)[Не согласен](#) [Согласен](#)

Garry Ferrara 28.10 21:26

Прекрасная статья. Спасибо автору.

"В традиционной картине изобилия и счастья на фоне сельских пейзажей и городской архитектуры, «какой-то славянской, народной, оригинальной наружности», на фоне золотых куполов церквей единственными признаками современности оказываются летательные аппараты. Чистота и порядок царят кругом (напоминая об Оффрии)."

Да, действительно утопия. А реальность чистоты и порядка такова: <http://stroyprikol.com/wp-content/uploads/CTa9P7q8MoQ.jpg>
(<http://hypercomments.com/api/go?url=http://stroyprikol.com/wp-content/uploads/CTa9P7q8MoQ.jpg>)

